

АГО КЮННАП (Тарту)

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НАКЛОНЕНИЙ И ВРЕМЕН В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

В прауральском языке обычно предполагается наличие не более чем трех наклонений: индикатива, конъюнктива и императива. По единоголосному мнению исследователей, прауральский индикатив не имел показателя (см., напр., Itkonen 1961 : 80; Hajdú 1966 : 71). Б. Коллиндер считает вероятным, что в прауральском языке был кондиционалис (или подобное ему наклонение) на **-nek-* (Collinder 1960 : 246, 303—307). По мнению П. Хайду, этот показатель употребляется в нем для выражения кондиционалиса-оптатива; конечный компонент показателя **-k-* он идентифицирует с предполагаемым показателем императива **-k* (Hajdú 1966 : 70—71, 136—138). Б. А. Серебренников предполагает в прауральском оптатив на **-ne* (Serebrennikov 1973 : 75). Л. Хакулинен считает, что уже прауральский язык мог знать потенциалис, подобный финскому потенциалису на *-ne-*, или во всяком случае какой-то конъюнктив (Hakulinen 1968 : 202). Б. Коллиндер предполагает в рассматриваемом языке показателя императива **-k* для 2 л. ед. ч. и **-ka ~ *-kä* для остальных форм (Collinder 1960 : 304), а П. Хайду и Б. А. Серебренников — показатель императива **-k* (Hajdú 1966 : 136; Серебренников 1964 : 142—146). В финно-угорских языках *n*-овый показатель конъюнктива исследователи находят как в прибалтийско-финских, саамском, волжских, так и в угорских языках, причем в большинстве случаев с передним гласным (см., напр., Collinder 1960 : 307; Hajdú 1966 : 136—137). *k*-овый императив они выделяют в прибалтийско-финских, саамском и мордовских языках, наличие его следов предполагают и в угорских языках (см., напр., Setälä 1886 : 110—146; Collinder 1960 : 303—304; Hajdú 1966 : 136). В финно-угорских языках основательно изучался вопрос о происхождении императива. Выдвинуто предположение, что он получен из *k*-ового презенса, а тот, в свою очередь, — из прауральского *k*-ового отглагольного имени. Однако нет единогласия по вопросу о времени перехода *k*-ового презенса в императив. (См., напр., Setälä 1886 : 175—178; Itkonen 1961 : 80; Серебренников 1964 : 142).

Некоторые исследователи предполагают, что уже прауральский язык знал *k*-овый показатель презенса (см. прежде всего Collinder 1960 : 246, 303—307; Серебренников 1964 : 85—87; Серебренников 1968). Ряд исследователей считает, что в прауральском языке *š*-овый показатель претерита (см., кроме указанных работ, Erdódi 1963 : 69; Hajdú 1966 : 72—73, 138—140). Б. А. Серебренников предполагает в прауральском языке наличие трех времен: настоящего без показателя, будущего на **-k* и прошедшего на **-š*; позже образовалось, по его мнению, прошедшее

время на *-j. Он допускает контаминацию настоящего и будущего времени еще в прауральском (Серебренников 1968 : 491, 493; ср. и Серебренников 1965 : 383—384). Имеется много различных точек зрения о существовании и происхождении *k*-овых показателей презенса, а также *i*- и *s*-овых показателей претерита в финно-угорских языках (см., напр., Setälä 1886 : 4—109, 166—174; Szinyei 1922 : 138—144; Ravila 1948; Erdődi 1963 : 69; Серебренников 1964 : 80—109; Hajdú 1966 : 72—73, 138—140). Наиболее распространен в этих языках *s-овый претерит, который выделяется исследователями в прибалтийско-финских, саамском, волжских и обско-угорских языках; предполагается его первоначальное наличие и в пермских языках. В отношении футурума К. Е. Майтинская пишет: «В финно-угорском языке-основе специальной формы для выражения действия, происходящего после момента речи (или состояния, наступающего после момента речи), еще не было; соответствующее грамматическое значение выражалось формой настоящего времени» (Майтинская 1972). Далее она говорит о древнейших показателях наклонений и времен в уральских языках: «Этимологическое тождество этих показателей с именными словообразовательными суффиксами (кроме показателя условного наклонения *-*ne*) считается общепризнанным» (Майтинская 1975 : 128).

Очень интересной представляется недавно опубликованная статья М. А. Кёвеша (А. Kővesi 1974), автор которой сомневается в возможности реконструирования на основе имеющихся данных показателей наклонений и времен в прауральском языке. Статья коротко суммирует те моменты, которые во многих случаях ставят под сомнение наличие в тех или иных финно-угорских языках следов предполагаемых праязыковых показателей наклонений и времен (со ссылками на соответствующие исследования).

Наблюдения показывают, что в самодийских языках отсутствуют показатели наклонений и времен, общие для всех самодийских языков (по понятным причинам, мы имеем здесь в виду только ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский и камасинский языки). Лишь некоторые из этих показателей выступают в большинстве самодийских языков. Можно сделать вывод, что единая система наклонений и времен в этих языках вообще отсутствует, а имеющаяся система представляет собой явление сравнительно позднего происхождения. В основу самодийской системы спряжения легли главным образом отглагольные имена. С исторической точки зрения самодийские показатели наклонений и времен в большинстве случаев самым тесным образом примыкают к показателям деепричастий и причастий. (См. также Кюннап 1973а).

Рассмотрим, каким образом в самодийских языках представлены два предполагаемых древнейших показателя наклонений и времен уральских языков — этимологические соответствия финно-угорских *n*-ового показателя конъюнктива и *s*-ового показателя претерита. Из-за слабой изученности самодийских глагольных форм мы можем сделать это лишь гипотетически. Выбор именно данных двух показателей обусловлен их особой взаимосвязью, как будет показано в ходе анализа.

М. А. Кастрен писал: «Mit Ausnahme des Kamassinschen haben alle Dialekte des Samojedischen eine besondere Flexionsform für den Coniunctiv, obwohl der Charakter für diesen Modus nicht immer derselbe ist. Er wird im Jurakischen durch *ji* oder *ni*, im Jenissei-Dialekt durch *ji*, *i* oder *ni*, im Ostjak-Samojedischen durch *ni* oder *ne* gebildet... Mit ihnen stimmt in lautlicher Hinsicht im Kamassinschen der Charakter des Futurums *na* (*nä*) überein, welcher bei einigen Zeitwörtern in *da* (*dä*) und *ta* (*tä*) übergeht. In der That wird dieses Futurum zugleich zur Bezeichnung des Coniunctivs gebraucht, doch mit Hülfe eines angehängten

izä... Da andere Tempora des Indicativs nach meinen Aufzeichnungen nicht dazu gebraucht werden, um in Verbindung mit diesem *izä* den Coniunctiv auszudrücken, so werde ich hiedurch noch mehr in meiner Vermuthung über die ursprüngliche Coniunctivnatur des Futurums bestärkt. Der Coniunctiv-Charakter in der Tawgy-Sprache steht ganz isolirt da und wird aus *fā* (*fea*), *bā* (*bea*) oder *fāda* (*feada*), *bāda* (*beada*) gebildet» (Castrén 1854 : 369—370). В ненецких парадигмах спряжения он приводил формы конъюнктива только на *-ji-*, лишь в одном глаголе фиксируется параллельное употребление *-ji-* ~ *-ñi-*: *madañim*, *madañim*, а в одном глаголе — только *-ñi-*: *mañiu* (388—441). Н. М. Терещенко упоминает в этой связи в ненецком языке лишь суффикс *-ji-*, который «обозначает желательность совершения какого-либо действия, призыв, приглашение — с оттенком обязательности, обращенные в первую очередь ко второму лицу», напр., *ñamgeñewam' ñamjin* 'съел бы ты чего-нибудь' (Терещенко 1965 : 900). П. Хайду тоже упоминает в качестве ненецкого показателя условного (условно-желательного) наклонения только суффикс *-ji-*, напр., *ñäeji* 'legyen' (Hajdú 1968 : 64), считая его последователем соответствующего прауральского показателя *nek (Hajdú 1966 : 136—137). В лесном диалекте ненецкого языка Г. Д. Вербов выделяет I сослагательное наклонение на *-ji-* (напр., *řam matajil* 'дерево срубил бы ты'), которое иногда используется также в значении повелительного (Вербов 1973 : 98—99), а П. Саммаллахти — желательное наклонение на *-dñ-*, показатель которого он реконструирует как *-jij-* или *-ñij-* (Sammallahti 1974 : 82). Анализируя ненецкие тексты М. А. Кастрена и Т. Лехтисало, И. Н.-Шебештьен пришла к выводу, что М. А. Кастрен неправильно выделил показатель ненецкого конъюнктива *-ji-*, *-ñi-*, так как «das Element *ñi* keine Formvariante des Elements *ji* ist.» Показателем ненецкого конъюнктива она считает только суффикс (Кастрен) *-ja-*, *-jā-*, *-je-*, *-jē-*, *-ji-*, *-jie-*, (Лехтисало) *-ja-*, *-je-*, *-jje-*, *-jji-*, *-ji-*, *-ji-*, *-đea-*, который этимологически связывает с ненецким показателем рефлексивного спряжения *je (суффикс отглагольного имени *je) (N.-Sebestyén 1970 : 167—168). С другой стороны, по ее мнению, в ненецком языке имеется «das Verbalnomen auf *na, *ne mit potential-konditional-optativer Bedeutung», причем ненецкий глагольный суффикс *-ña-*, *-ñā-*, *-ñe-*, *-ñē-*, *-ñi-*, *-ñi-* она реконструирует как *ne + *je) (182—184). Но материал, приведенный И. Н.-Шебештьен, не доказывает неоспоримо правильность ее предположений, поскольку *j-*овые и *ñ-*овые глагольные формы в нем не контрастируют друг с другом (см. 167—168, 182—184). Кроме того, И. Н.-Шебештьен приводит в качестве конъюнктивных ряд форм, никакой конъюнктивности не обнаруживающих, напр., (Лехтисало) *mañ kuptä* *miñđeat^N* 'ich gehe weit' (Т. Лехтисало рассматривал подобные формы как именные отглагольные и видовые на **-jV*; см. Lehtisalo 1936 : 60—82; а также Йоки 1969).

В энецких парадигмах спряжения М. А. Кастрен дает формы конъюнктива часто параллельно на *-i-* и *-ñi-*, причем бросается в глаза, что нередко в них употребляются различные варианты личных глагольных суффиксов, напр., 1 л. ед. ч. субъектного спряжения *motañro'*, *motañido* (см. Castrén 1854 : 501—518). Г. Н. Прокофьев пишет: «Форма сослагательного наклонения образуется с помощью суфф. *-ñi* (ср. суфф. *-ji* в ненецк. яз.)», но примеры он приводит только на *-ñi... ś*, *-ñi... đ*, напр., *motañiros* 'ты отрезал бы (его)' (Прокофьев 1937 : 90). Н. М. Терещенко отмечает: «В сочетании с личными суффиксами неопределенного времени суффикс *-ni* характеризует пожелание, настойчивую просьбу», напр., *dadoniri'* 'идите' (Терещенко 1966 : 452). И. П. Сорокина выделяет в энецком языке желательное наклонение на *-ñi-*

(Сорокина 1975 : 118). Н. М. Терещенко, рассматривая сказуемое, выраженное глаголом в форме сослагательного наклонения, указывает, что такое сказуемое может в ненецком языке характеризовать побуждение к совершению действия, обращенное к другому лицу или к самому себе, причем форма 1-го лица может обозначать еще и большое желание совершить действие; такое сказуемое может выражать также согласие на совершение действия, причем при определенной интонации — недоверие, замаскированную угрозу. Энецкое сказуемое в форме сослагательного наклонения на *-ni-* выражает пожелание, настойчивую просьбу. Энецкий показатель *-ni-* Н. М. Терещенко сравнивает с показателем сослагательного наклонения в крайнезападных говорах тундрового диалекта ненецкого языка (Терещенко 1973 : 141—142). Это сравнение заслуживает особого внимания: его можно понять так, что именно в указанных говорах встречается вариант *-ñi-* ненецкого показателя конъюнктива.

В селькупском языке имеется конъюнктив на *-nä-*, *-ne-*, *-nē-*, *-ne-*, *-nē-*, *-nea-*, *-ni-*, *-nia-*, *-nni-*. Приведем из рукописей К. Доннера (Доннер 1911—1912) парадигму конъюнктива субъектного спряжения от слова Кет *fondəgu* 'bedecken' : ед. ч. 1 л. *tondəneŋ* ; 2 л. *-nend* ; 3 л. *-ne* ; дв. ч. 1 л. *-nēwi* ; 2 л. *-nēli* ; 3 л. *-nēyi* ; мн. ч. 1 л. *tondənēwut* ; 2 л. *-nēlət* ; 3 л. *-nētta* и выражение *korāldžəneb awrgu* 'olisin pyytänyt syömään [я бы пригласил кушать]'. П. Хайду находит последователей предполагаемого им прауральского показателя условно-желательного наклонения **-nek* и в камасинском языке: «kam *-nä*, *-na* (feltételes módjel magánhangzóra végződő igetövek után): *nerē-nä-mzä*, *nerē-nä-lzä*, *nerē-nä-zä* 'megijednék, megijednél, megijedne' (tő + módjel + szemelyrag + múlt időjel)» (Haidú 1966 : 138). Но как же быть с постконсонантными вариантами *-dä-*, *-da-*, *-tā-*, *-ta-* и т. д. указанного камасинского суффикса, напр., формы 1 л. ед. ч. конъюнктива (Доннер) *pimdemze* от *pimnijem* 'fürchten', *bättämze* от *bättlijom* 'schneiden'? Ведь они показывают, что этот суффикс восходит не к **-nV-*, а к **-ntV-*: *VntV > VnnV > VñV > VnV* и *CntV > CtV*. Далее следует отметить, что в камасинском материале К. Доннера мы имеем дело не просто с суффиксом *-n(V)-*, *-dV-*, *-tV-*, а со слитным суффиксом *-nV...ze*, *-dV...ze*, *-tV...ze*, конечный компонент *-ze* которого в материале М. А. Кастрена выступал еще в качестве самостоятельной частицы *izä*. Эта частица позднее слилась с предшествовавшей глагольной формой, напр., 1 л. ед. ч. конъюнктива (Кастрен) *üzünäm izä >* (Доннер) *üzünemze* от (Кастрен) *üzüläm >* (Доннер) *üzülem* 'ich falle'. (Все это, конечно, не исключает теоретической возможности первоначального наличия в камасинском языке показателя конъюнктива **-nV-*, который мог позже слиться с вариантом *-nV-* суффикса *-n(V)-*, *-dV-*, *-tV-*). По утверждению М. А. Кастрена, в камасинском языке суффикс *-n(V)-*, *-dV-*, *-tV-* употреблялся в его время в функции показателя футурума (Castrén 1854 : 369, 376; см. также выше). Но примеры на такой футурум содержат лишь парадигмы спряжения в его рукописном материале по камасинскому языку (Castrén 1847), причем там имеются только единичные контрастные случаи употребления рассматриваемого суффикса в функции показателя футурума, с одной стороны, и показателя конъюнктива (в сочетании с частицей *izä*), с другой, напр., 1 л. ед. ч. футурума *amponam* : конъюнктива *amponam izä* 'я бы садился' (от *amnola-m* 'сажусь') (парадигма этого глагола репродуцирована полностью в труде Кюннар 1971 : 197—198). Следует также отметить, что в указанной рукописи приводится случай параллельного образования форм конъюнктива: 1 л. ед. ч. *pendem izä ~ pendem* 'я бы клал': 3 л. ед. ч. *pendet izä ~ pendet* (от *pällim* 'я кладу'). (Там же М. А. Ка-

стрен нередко заменяет термин «конъюнктив» термином «оптатив»). Вопрос о наличии в камасинском языке во времена М. А. Кастрена у суффикса *-n(V)-, -dV-, -tV-* функции футурума, а также конъюктива (без применения частицы *izä*) продолжает оставаться неясным. Т. Лехтисало объединил этимологически этот камасинский суффикс с селькупскими суффиксами инхоатива *-(n)da-, -(n)žä-, -tta-, -tša-* и имперфектива *-(n)dī-, -ti-*, считая их общим исходом самодийский суффикс инхоатива **-ntša-* (Lehtisalo 1936 : 237, 241). В своих селькупских материалах с Турухана Т. Лехтисало выделил показатель футурума *-nta-, -ntoa-, -nti-*, напр., 1 л. ед. ч. *ile-ntak* (от *ilak* 'ich lebe') (Castrén, Lehtisalo 1960 : 332—334).

Мы старались пока намеренно не затрагивать слитных показателей конъюктива типа упомянутого выше эн. *-ñi...ś, -ñi...đ*, т. е. с **ś-*овым элементом на конце, так как считаем, что они требуют специального анализа (хотя бы уже потому, что по своей семантике обычно отличаются от соответствующих простых суффиксов). **ś-*овый элемент в таких суффиксах следует за личными глагольными окончаниями (опущенные личные окончания обозначим тремя точками). В ненецких парадигмах спряжения М. А. Кастрена находим суффикс *-ji...ś, -ji...ž, -ji...đ, -ji...ťš, -ñi...ś, -ñi...ž, -ñi...đ, -ñi...ť, -ñi...ťš* (Castrén 1854 : 388—441), причем соотношение встречаемости вариантов с начальным компонентом *-ji-* и с начальным компонентом *-ñi-* такое же, как и при вариантах простого суффикса *-ji-, -ñi-* (см. выше), напр., *madajimś, madañimś*. М. А. Кастрен рассматривал формы, образованные при помощи этого суффикса, как формы претерита конъюктива. На основе анализа ненецких текстов М. А. Кастрена и Т. Лехтисало И. Н.-Шебештьен заключает: «Die Bedeutung solcher jurakischer Formen steht der Bedeutung der finnischen Konditionalformen und den ungarischen mit dem Suffix *na, ne* gebildeten Formen nahe.» Они встречаются в текстах редко (N.-Sebestyén 1970 : 200—201). В приведенных И. Н.-Шебештьен примерах из текстов Т. Лехтисало выступают следующие варианты рассматриваемого суффикса: *-ji...ťš, -ji...ś, -ji...ťš, -jjiś, -jji...ś, -jji...ťš, -ñi...ś, -ñi...ťše, -ñi...že, -ñi...ś, -ñi...ťš*. Все *ñ-*овые примеры Т. Лехтисало относятся к западным говорам тундрового диалекта (они обозначены MS [= Malaja Semlja]), напр., *öbkannə jille|ñi|wawťše* 'wir würden zusammen leben'. Интересно, что пример из текстов М. А. Кастрена *jüb jundar|ni|m|si, wañi sierij eñgū?* 'gern würde ich erkunden, [aber] es geht mich nichts an' относится, по данным первоисточника (Castrén-Lehtisalo 1940), к западным говорам западнее Печоры, в то время как в вариантах этого примера, записанных восточнее Печоры и на Тазе, форма конъюктива фиксирована как *jundar|ji|dam|si* и *junarāwaś* (*j* показателя конъюктива исчез). Это подтверждает выдвинутую выше гипотезу об употреблении (или преимущественном употреблении) *ñ-*овых вариантов ненецких показателей конъюктива именно в наиболее западных говорах тундрового диалекта. По Н. М. Терещенко, суффикс *-ji...ś, -ji...ťš* выражает сослагательность, возможность или желательность совершения действия, напр., *ñeb'ana' nojad temdajiwatś ηani' tunidawa tara* 'купили бы мы матери сукно, да нам нужны ружья', причем форма 1-го лица может выражать также и большое желание совершения действия, напр., *leningradan' xewi ηeb'na' jedej metrom' manejiwatś* 'если бы мы приехали в Ленинград, вот уж посмотрели бы новое метро' (Терещенко 1973 : 141—142; ср. и Терещенко 1965 : 901).

В энецких парадигмах спряжения М. А. Кастрена мы находим пока-

затель конъюнктива *-i ... si, -i ... di, -i ... ti, -ni ... si, -ni ... di, -ni ... ti*. Выступление этого суффикса в парадигмах и употребление с ним личных показателей аналогично с выступлением простого показателя конъюнктива *-i, -ni* (см. выше). Образованные при помощи *-i ... si* и т. д. формы М. А. Кастрен определял как формы претерита конъюнктива (см. Castrén 1854:501—518). Об изложении этого вопроса у Г. Н. Прокофьева уже отмечалось, что он приводил формы на *-ni ... š, -ni ... d*, напр., *jireñidod* 'я жил бы', в качестве примеров употребления показателя сослагательного наклонения *-ni*- (Прокофьев 1937:90). Н. М. Терещенко в качестве примеров на сослагательное наклонение приводит выражения *toniju kaninidod* 'поехал бы я туда' : *toniju kaninidos* 'поехал бы ты туда' — суффикс *-ni ... š, -ni ... d* (Терещенко 1966:452). Нами тоже записаны некоторые энецкие формы сослагательного наклонения (Кюннап 1972), напр., ед. ч. *mottaniš* 'он резал бы сейчас' : дв. ч. *mottanišitš* : мн. ч. *mottanitš* : ед. ч. *mottanišaš* 'он резал бы сейчас одно' : дв. ч. *mottanišiditš* : мн. ч. *mottanidutš* — показатель *-ni ... š, -ni ... tš*; интересна форма *mottagobinidaš* 'он резал бы в прошлом', ср. *mottagubi* 'срубивший [дерево старик]'. И. П. Сорокина выделяет в энецком языке сослагательное наклонение на *-ni ... š* (Сорокина 1975: 118).

В нгансанском и селькупском материале слитные показатели рассматриваемого типа не наблюдаются. Внимание привлекают в этой связи все же селькупские формы глагола с конечным элементом *-s(š)*, напр., (Кастрен) Чулым *tätlepse ~ tätlepsä ~ tätleus* 'после зажигать буду' («Fut. 2»), ср. *tätle-u* 'я стану зажигать, я пусть зажгу' («Fut. 1. = Imperat.») (Castrén, Lehtisalo 1960:213); Г. Н. Прокофьев охарактеризовал эти формы в тазовском диалекте как выражающие более отдаленное будущее (по сравнению с формами ближайшего будущего без указанного элемента) (Прокофьев 1935:68—69). Ср. также камасинские формы типа (Кастрен) *üzünäm izä* > (Доннер) *üzünemze* (см. выше). Рассматривая вопрос о происхождении ненецкого показателя претерита *-si, -s* и т. д., стоящего за личными окончаниями (ср. и энецкий показатель претерита *-ši, -š* и т. д., тоже следующий за личными окончаниями), И. Н. Шебештьен пишет: «Das Verbalnomen des Conditionalis vom Verb 'sein', gebildet mit dem Suffix *ša, *še, *šaj, *šej (das ebensowenig in den Paradigmen des Verbs 'sein' erscheint wie das kamassische *izä*), wurde ursprünglich als selbständiges Glied mit dem personalsuffigierten Verbalnomen verknüpft, ebenso wie das kamassische *izä* zur Zeit Castréns. Es wurde dann nach Einbusse seiner Selbständigkeit zu einer Endung ebenso wie in der Formen des kamassischen Konjunktivs, der selkupischen «dritten Zeit» (футурум — А. К.) wie auch in den Formen der sog. «zweiten Zeit» (претерит — А. К.) des jurakischen Konjunktivs» (N.-Sebestyén 1970:199—200). Известно, что форма вспомогательного глагола 'быть', которую можно реконструировать примерно как *V-šV, является во всех самодийских языках весьма подвижным и активным элементом, употребляемым в сочетании как с именами, так и с глаголами. Она проявляет тенденцию к слиянию с предшествующими именами и глаголами. Такую же тенденцию проявляют некоторые другие формы глагола 'быть'. (См. Кюннап 1971). Из последних привлекает особое внимание сельк. *e-ne*: (Кастрен) Кет «Plusq. Конж.» ед. ч. 1 л. *tādesawe-ne* («Prät. + éne») : 2 л. *tādesale-ne* : 3 л. *tādesade-ne* и т. д., ср. «Plusq.» ед. ч. 1 л. *tādesa-u* : 2 л. *tādesa-l* : 3 л. *tādeset* и т. д. (*tātta-u* 'я зажег') (Castrén, Lehtisalo 1960:205—206) и *ēneŋ* 'я бы был' (230). А. И. Йоки приводит селькупские предложения (Кастрен) *man māder-*

sa|η|ene, tem mi|se|d 'minä jos olisin pyytänyt, hän olisi antanut [если я попросил бы, он дал бы], *mat mi|sä|m|ene, komdem aša imbe|sa|m 'wenn ich geben würde, würde ich nicht Geld nehmen'*, где *-ene* считает формой конъюнктива глагола 'быть'. Он указывает, что *s*-овый суффикс проявляет здесь, видимо, тенденцию к выражению кондициональности (Йоки 1969).

Указанный *s*-овый суффикс обычно выражает в селькупском языке прошедшее время. Он имеет множество фонетических вариантов, которые можно схематично обозначить как *-s(V)-, -za-, -ša-, -χV-*, напр., (Доннер) Тым *išpəp 'otan [беру]': išpəsap 'otin [взял]* (Доннер 1911—1912). В нганасанском материале мы находим показатель претерита *-su-, -sua-, -süö-, -sea-, -sē-, -sie-, -śua-, -jō-, -jua-, -jea-, -jie-, -dō-, -dū-, -de-*. Об употреблении вариантов этого показателя Б. Коллиндер пишет: «In Tavgi, the preterite characteristic is *jua ~ jie* after disyllabics, and *sua, sea, su* after trisyllabics» (Collinder 1960:307). А. И. Йоки указывает, что *-sua-, -sea-* следуют за ударным гласным, а *-jua-, -jea-* — за безударным (Йоки 1969). Варианты с начальным *d* являются результатом *j > d*. Все варианты рассматриваемого показателя можно, следовательно, считать фонетически обусловленными. Примеры: (Кастрен) *matujuadu* 'он разрезал (его)', (Кюннап) *mattujō-du* 'он резал'. В той же позиции, т. е. перед личными глагольными окончаниями, мы находим в ненецких и энецких вопросительных конструкциях показатели претерита нен. *-sa-, -sā-, -ssa-, -ssā-, -ssə-, -šē-, -šəə-, -za-, -tsa-, -tsā-, эн. -sa-*; напр., нен. (Кюннап) *ηamgeda ηəssa?* 'что было?', эн. (Прокофьев) *kune jiresado?* 'где жил (ты)?' Н. М. Терещенко пишет об этом: «В ненецком и энецком языках вопрос, содержащийся в вопросительной конструкции предложения для прошедшего времени, поддерживается особым вопросительным суффиксом, который помещается перед личным показателем», напр., нен. *tañā' pon' minzan?* 'долго ты туда шел?' (ср. *tañā' pon' miñan?* 'долго ты туда идешь?'), эн. *ekke naranōju kunne dīresad?* 'где жил ты этой весной?' (ср. *kunne dīred?* 'где ты живешь?') (Терещенко 1973:92). И. Н. Шебештьен необоснованно толкует подобные формы в ненецких текстах Т. Лехтисало как кондициональные, хотя следует оговорить, что в одном случае немецкий перевод поддерживает такое толкование: *ñumde amgē ηəessə?* 'wie mag sein Name sein?' Однако возможен и такой перевод: 'его-имя как было?'. (N.-Sebestyen 1970:194—200). Исключительно же интересен факт, что И. Н. Шебештьен нашла в ненецких текстах М. А. Кастрена и Т. Лехтисало целый ряд форм претерита (вне вопросительных конструкций) и конъюнктива на *-sa-, -ssa-, -ssā-, -ša-, -še-, -tsa-, -tša-* и т. д., напр., (Лехтисало) *maññi' mānsañi' 'wir sagten'*, (Кастрен) *tukī muñā' mana|sa|n!* 'diese Pfeile siehe! Она считает, что все эти формы — ни что иное как «das Verbalnomen auf *śa, *śe, dessen Bedeutung derjenigen des finnischen Konditionalis (in einzelnen Fällen des finnischen Potentialis) und dessen *ś-Element auch dem s-Element des finnischen Konditionalis gleichgesetzt werden kann. Die Bedeutung der jurakischen Konditionalformen könnte man am genauesten mit den entsprechenden finnischen Konditionalformen bestimmen», напр., *mana|sa|n!* 'siehe [«näkisit»]!' (184—186, ср. и 187—194). В данной связи обращает на себя внимание замечание Н. М. Терещенко, что при помощи суффикса *-sa-* в сочетании с показателями футурума выражается «вопросительное значение сослагательности», напр., *βata ηob niβi ηəban soda' ηamgem pertasan? makand xantasan?* 'Если бы я не захватил с собой запасных рукавиц, что ты делал бы? Домой ушел бы?' (Терещенко 1973 : 92). Другие случаи выра-

жения сослагательности посредством рассматриваемого нен. *-sä-* и т. д. нам не известны. И. Н.-Шебештьен ошибается, когда пишет: «Aus dem Jurakischen kann ich noch regelmässige Präteritumformen anführen, die wegen der Grundbedeutung des Verbalnomenstammes kein Geschehen in der Vergangenheit bedeuten können: (C) «*tjikī paejam | jilhauäpta | njuu mi'idam-si*» «Den grossen Stein, | wenn er ihn hebt, | meine Tochter würde ich geben» (292). Der Kehlkopfverschluss in der Form *mi'idamsi* steht für das Suffix **s* des Konditionalis; das desiderative Suffix **ta* bedeutet nur ein Geschehen, das in der Zukunft erfolgen mag» (N.-Sebestyén 1970:198). Форма *mi'idamsi*, действительно, является не формой претерита, а формой кондиционалиса. Но кондициональность выражена здесь суффиксом *-i...si* (ср. выше). Гортанный смычный относится к основе глагола, ср. (Кастрен) 1 л. ед. ч. аориста *mi'idm* : конъюнктива *mi'jidams* (Castrén 1854:420—421), а *-da-* является лишь составной частью окончания 1 л. ед. ч. *-dam-* (см. Кюннар 1973).

В свете приведенных данных обращают на себя внимание ненецкий и энецкий показатели претерита, стоящие за личными глагольными окончаниями и происходящие, по всей вероятности, из самостоятельной словоформы вспомогательного глагола 'быть', как предполагает и И. Н.-Шебештьен (N.-Sebestyén 1970:199—200; ср. также выше), и которую мы реконструируем как **V-śV*: нен. *-si, -s, -śe, -śē, -śi', -ś, -źi, -d, -f, -fše, -fśa, -fś, -dže, -dži'*, эн. *-śi, -ś, -di, -d, -fi, -f, -ś, -ś'*; напр., (Кюннар) нен. *mēs* 'он положил', эн. *mottās* 'он рубил'. И. Н.-Шебештьен пытается доказать, что при помощи суффикса *-si, -s* и т. д. в ненецких текстах М. А. Кастрена и Т. Лехтисало, на самом деле, образуются не формы претерита, а формы кондиционалиса (194—200). Но это нельзя доказать даже в том случае, «wenn wir uns von der Auslegung der Übersetzungen unabhängig machen» (196). Надо также иметь в виду, что нет оснований считать переводы этих форм в данном отношении неадекватными, напр., (Лехтисало) *nin dañneββēfs* 'ich hatte Brüder' (И. Н.-Шебештьен: 'ich hätte Brüder' (?), см. 198). Предположение о том, что указанные северносамодийские показатели претерита возводятся к форме **V-śV* вспомогательного глагола 'быть', основывается прежде всего на наличии камасинской формы *izä* этого глагола, на использовании указанной формы в качестве приглагольной частицы (по данным М. А. Кастрена) и на последующем переходе ее в глагольный суффикс (по данным К. Доннера и современным данным). Кроме того, мы имеем в виду наличие и в других самодийских языках форм глагола 'быть' на **-śV*, употребляемых в функции частицы, и проявляемую ими тенденцию перехода в суффиксы. (См. и выше). Камасинскую частицу *izä* принято считать формой претерита (см. Lehtisalo 1936:241; Donner-Joki 1944:170, ср. и 172, 176; ср. далее Hajdú 1966:138), но по И. Н.-Шебештьен, мы имеем здесь дело с формой кондиционалиса (N.-Sebestyén 1970:199).

В камасинском языке нет следов употребления **ś*-ового показателя претерита, если не считаться с предполагаемым употреблением его в частице *izä* (> суффикс *-ze*). Но эта частица, на самом деле, никогда не выступает в камасинских материалах в качестве формы, обозначающей какие-нибудь временные отношения, в том числе и претерит. Показателем претерита в этом языке стал иной — **p*-овый суффикс (см. Кюннар 1967; Кюннар 1971:211). Мы считаем, что нам удалось доказать следующее: южносамодийский инструментально-комитативно-инструктивный падеж на сельк. *-s(š), -zš, -(z)š*, кам. *-sš('), -zš(')* и северносамодийские падеж(еобраз)ные формы имен на нен. *-ñäēs, -ñēs, -ś, эн. -eś, -ś* образовались из (дее)причастной формы **V-śV* вспомога-

тельного глагола 'быть'. Отдельные северносамодийские языки, наречия и говоры сохранили следы различных этапов перехода указанной формы *V-šV в именные суффиксы, а также случаи исходного положения — употребления этой формы в качестве отдельного частицеобразного слова, которое можно перевести приблизительно как 'будучи' (нем. 'seiend'), напр., нган. (Прокофьев) *sidi isa* 'вдвоем' (досл. 'два будучи'). Упомянутые северносамодийские падеж(еобраз)ные формы кажутся при разборе их с точки зрения падежных функций функционально очень пестрыми. Менее сложный результат мы получим, если переведем и эти суффиксы как 'будучи', напр., нен. (Лехтисало) *minsorkkaš äedalōs tāraa* 'man muss schneller fahren' → 'быстрее-будучи ехать надо'. (См. Кюннап 1971). Можно, следовательно, считать, что *izä* (> -ze) не является единственным и тем самым очень маловероятным следом *š-ового показателя претерита в камасинском языке, а представляет собой (дее)причастную форму глагола 'быть', суффикс -zä которой этимологически сопоставляется с камасинским показателем инфинитива -sš|t(-), -zš|t(-), напр., (Кастрен) *i|zi|t* 'быть'. Этот показатель инфинитива Й. Дёрке сопоставил с камасинским суффиксом агенса -za|n, -ze|n, напр., (Кастрен) *kaj|za|n* 'Deckel' ('*kaj|lim* 'bedecken, zuschliessen (von innen)') (Györke 1935:23—26). Как явствует из вышеизложенного, имеются все основания полагать, что форма *V-šV вспомогательного глагола 'быть', весьма подвижный и активный элемент во всех самодийских языках, представляет собой — во всех случаях употребления как с именами, так и с глаголами — (дее)причастную форму с приблизительным значением 'будучи'. Во всяком случае ясно, что форма *V-šV, слившаяся с предшествующей глагольной формой и ставшая конечным элементом форм претерита и конъюнктива, не обязательно должна была иметь претеритальный или конъюнктивный характер.

В самодийских языках *š-овые показатели претерита/конъюнктива материально совпадают с целым рядом *š-овых суффиксов отглагольных имен. В качестве подобных примеров А. Й. Йоки приводит из селькупского языка: (Доннер) Кет *södər|sa münä* 'keskisormi' (= 'ompelusormi') ['средний палец' (= 'шпильевой палец')], Таз *mir|ssa|n* 'höylä' (= 'höyläävä ~ höylääjä') ['струг' (= 'строгающий ~ то, что строгаёт')] (Йоки 1969), ср. выше кам. *kaj|za|n* 'Deckel'. В северносамодийских языках мы находим показатели деепричастия претерита (частично презенса) и инфинитива нен. -si, -s, -ssä, -še, -š, -šše, -ž, -d, -te, -ti, -t, -tse, -ts, -tše, -tš, -tšä, -dže, эн. -si, -ši, -š, -š, -di, -d, -ti, -t, -tš, -tš, нган. -sa, -se, -sš, -si, -ša, -ja, -jä, -je, -ji, -da, -de, -de', показатели причастия претерита нен. -ssajji, -ssäə, -sei, -šej, -šši, -šši, эн. -sej, -dej, -dej', -die, -di, -fej, нган. -sode, -suaja, -seaja, -sieja, -juaja, -jeaja, -jiejä, показатель деепричастия/инфинитива нен. (лесной диал.) -ššaj', -šaj', суффикс отглагольных существительных нен. -sai, -säei, -si, -tsai, -tsäei (см. о них подробнее Lehtisalo 1936:199—201; N.-Sebestyén 1970:186—189, 201—204, ср. и 204—209; Künnap 1975:168—169). На основании северносамодийских данных можно констатировать, что *š-овые деепричастия и причастия обозначают главным образом совершившееся действие, являясь тем самым не только материально, но и функционально очень близкими *š-овым показателям претерита. Следует полагать, что именно *š-овые отглагольные имена в самодийских языках легли в основу *š-ового претерита. Нет оснований считать первичной функцией самодийских *š-овых отглагольных имен и финитных глагольных форм какую-либо конъюнктивную функцию, как это делает И. Н. Шебештьен. Объясняя тот факт, что *š-овые суффиксы в отдельных самодийских языках, на-

речиях и говорах применяются для выражения конъюнктивности, следует обратить внимание на то, что с той же целью применяется и целый ряд других глагольных показателей, имеющих также явную этимологическую связь с суффиксами отглагольных имен. Это — вторичное, сравнительно позднее явление, возникшее на основании, напр., временных функций форм отглагольных имен. Типичным и в то же время функционально хорошо сравнимаемым с рассматриваемыми *š-овыми суффиксами примером можно считать наличие у северносамодийского *p (~ *m)-ового перфекта побочного значения неочевидности (нарративности) действия (суффиксы нен. *-maj-*, *-mi-*, *-mmī*, *-mmäe-*, *-ββē-*, *-βī-*, *-ββī-* и т. д., эн. *-bi-*), ср. далее претерит на *-bi-* в вопросительных формах нганасанского языка и общеупотребляемый претерит на *-bi-mi-*, *-βi-* и т. д. камасинского языка. Б. А. Серебrenников правильно пишет о рассматриваемом явлении в ненецком языке: «Модальное значение неочевидности действия могло возникнуть только на базе перфектного значения этого времени» (Серебrenников 1964:113). Основательный анализ ненецкого перфекта на *-maj-* и т. д. дан К. Лабанаускасом (1974, о его нарративной функции см. особенно 49). (См. также Кюннар 1967; Кюннар 1975:168). В селькупском языке, напр., можно также найти глагольные показатели, имеющие явную связь с суффиксами отглагольных имен и применяемые для выражения разных оттенков сослагательности: *-ma-*, *-mä-*, *-mi-*, *-m-*, *-mmä-*, *-mme-*, *-mmi-* и *-la-*, *-lä-*, *-l-* конъюнктива-кондиционалиса, *-le-* опатива, *-ndi-* *-nd-*, *-nti-* нарративного аориста, *-mba-*, *-mpa-*, *-mpā-*, *-pa-* нарративного претерита и пр. (см. и Кюннар 1973:57—58).

Как мы могли видеть, *š-овый показатель претерита распространен в нганасанском и селькупском языках, в ненецком и энецком языках он употребляется ограниченно, а в камасинском — вообще отсутствует. Налицо факт, что он этимологически связан с самодийскими *š-овыми суффиксами отглагольных имен, деепричастное и причастное употребление которых связано прежде всего с выражением претеритальности. При таких обстоятельствах вряд ли можно реконструировать в прасамодийском языке *s-овый временной показатель претерита, а следует лишь считать, что в нем имелись *š-овые суффиксы отглагольных имен, давшие позже в большинстве самодийских языков показатели претерита. Тем самым данные самодийских языков не подтверждают предположения о наличии в прауральском *š-ового показателя претерита. Использование *š-ового суффикса в ненецком и селькупском языках для выражения сослагательности (наличие этого явления, в принципе, не исключено также в энецком и нганасанском языках) мы склонны считать вторичным побочным явлением, возникшим, возможно, на основании временной специфики *š-ового показателя претерита (или даже одного из *š-овых суффиксов отглагольных имен).

Перейдем к рассмотрению вопроса о происхождении самодийских показателей конъюнктива нен. *-ñi-* и т. д., *-ji-* и т. д., эн. *-ñi-*, *-i-*, сельк. *-ñä-* и т. д. (? кам. *-nV-*, слившийся с показателем *-n(V)-*, *-dV-*, *-tV-*). Являются ли нен. *-ji-* и т. д., эн. *-i-* лишь фонетическими вариантами или имеют, как предполагает И. Н.-Шебештьен о нен. *-ji-* и т. д., совсем иной исход — первичный суффикс **-jV-*? Чередование *n ~ j ~ i* наблюдается и в самодийских показателях множественного числа нен. *-ja-*, *-je-*, *-ji-*, *-j-*, *-i-*, эн. *-j-*, нган. *-j-*, *-i-*, (>) нен., эн., нган. повышение гласных основы (см. Кюннар 1973б; Кюннар 1973в : 291—295), сельк. (посессивное склонение) *-ji-*, *-i-*, *-ie-*, *-ī ~ -ni-*, *-nia-*, *-nie-*, *-npi-*, кам. (абсолютное склонение) *-je-*, *-je'*, *-ji-*, *-ji'*, *-ji-*, *-i-*, *-i'* и т. д. (см. Кюннар 1967 : 281—283, 285—286). По сообщению А. Й. Йоки, Т. Лехтисало

считал, что показателем множественного числа в прасамодийском языке был суффикс **-ne-*, сохранившийся в одних селькупских диалектах в форме *-ni*, а в других, в северносамодийских и камасинском языках перешел в (*j*)*i*-овые показатели. А. И. Йоки сам считает такое предположение мыслимым. Выше уже выдвинута гипотеза о том, что вариант *-ñi*- ненецкого показателя конъюнктива свойствен именно наиболее западным говорам тундрового наречия, представляя собой в таком случае диалектное явление. В принципе ничто не противоречит предположению о $\acute{n} > j$ в ненецком и энецком показателях конъюнктива: известно, что согласному *-ñ-* в тундровом наречии ненецкого языка может в лесном наречии соответствовать *-j-*, ($>$) *-d-*, напр., $\eta\acute{n}\acute{n}i \sim \eta\acute{j}i$ 'másik [второй]', $w\acute{e}\eta eko \sim w\acute{u}j hku$ 'kutya [собака]', $\acute{n}\acute{e}\acute{n}\acute{a}\eta k \sim \acute{n}ie\acute{j}\acute{a}k$, $\acute{n}ie\acute{d}\acute{a}\eta k$ 'szúnyog [комар]' (Hajdú 1968 : 18, 21), и что в энецком языке имеются случаи перехода **-n- > *-ñ- > -j- > -d-*, напр., **mVnV > modí* 'я', **tVnV > todí* 'ты' (Collinder 1960 : 135). Но как бы не обстояло дело с $\acute{n} > j$ в рассматриваемых самодийских показателях, ясно то, что по меньшей мере в ненецком, энецком и селькупском языках имеется **n*-овый показатель конъюнктива. Материально совпадающих с ним **n*-овых глагольных и отглагольных суффиксов в самодийских языках найдено мало, причем очень скудно представлены самостоятельные **n*-овые суффиксы деепричастий и причастий: селькупский суффикс причастия претерита *-na*, *-n*, напр., (Кастрен) $\acute{n}\acute{a}darende\ kubl\ \acute{t}\ \acute{o}\ u\ a\ n$ 'dein pötiger Mann ist gekommen' (Lehtisalo 1936 : 129), (Доннер) Тым $\acute{o}r\ n\ a$ 'juorunut [пьяный]', Кет $\acute{i}t\ te\ i\ na\ t\ \acute{o}n\ a\ \acute{u}g\ \acute{e}\ n\ n\ a\ p\ \acute{u}r\ i\ a\ l\ tippe\ \acute{z}\ \acute{e}\ \acute{n}$ $\acute{t}\ \acute{a}\ t\ \acute{s}\ \acute{e}\ d\ \acute{i}t\ te$ 'ja järvelle lähteneen sorsallisen parven ampui [*itte* и на озеро отправившуюся уточную стаю подстрелил]; окончание 3 л. ед. ч. *-n* (? = на самом деле тот же суффикс причастия), напр., (Кастрен) $\acute{m}\ \acute{e}\ t\ a\ n$ 'hän saapui [он прибыл]', $\acute{s}i\ \acute{e}\ r\ n$ 'meni sisälle [он вошел]', Чулым $\acute{k}u\ a\ n$ 'hän kuoli [он умер]', (Доннер) Кет $\acute{i}m\ \acute{e}\ j\ \acute{a}\ t\ \acute{t}\ \acute{a}\ r\ \acute{r}\ \acute{e}\ \acute{z}\ \acute{a}\ \acute{n}$ ($\sim \acute{i}m\ \acute{e}\ j\ \acute{a}\ t\ \acute{t}\ \acute{a}\ r\ \acute{e}\ \acute{n}$) 'hänen tätinsä sanoí [его тетя сказала]' (Йоки 1969); (?) койб. *-no* : (Спасский) $\acute{d}\ \acute{z}\ \acute{e}\ j\ \acute{a}\ p\ \acute{s}y\ n\ o\ \acute{u}\ \acute{y}$ 'жареное мясо' ($\acute{d}\ \acute{z}\ \acute{e}\ j\ \acute{a}\ p\ \acute{s}y\ l\ \acute{a}\ m\ \acute{o}$ 'жарю'); (?) нен. (Лехтисало) $\acute{s}\ \acute{a}\ r\ n\ a\ \acute{t}\ \acute{t}\ \acute{i}$ 'sidottu poro [связанный олень]' (Йоки 1969) (? $<$ **-nV*, ср. $\acute{s}\ \acute{a}\ r\ d\ a$ 'завязанный, повязанный; привязанный; связанный; перен. заключенный' $<$ **-ntV* у Н. М. Терещенко). Далее, **n*-овый суффикс является (конечной) составной частью некоторых суффиксов отглагольных имен, напр., сельк. (Кастрен) $\acute{u}d\ \acute{z}\ \acute{e}\ p\ \acute{s}\ \acute{a}\ n$ 'työmies, työntekijä [рабочий, работающий]', $\acute{u}d\ \acute{z}\ \acute{e}\ p\ \acute{s}\ \acute{a}\ n\ \acute{e}\ l\ -g\ \acute{u}\ m$ 'työtä tekevä mies, työskentelevä mies [работающий мужчина]', (Доннер) Кет $\acute{k}u\ \acute{e}\ d\ \acute{a}\ p\ \acute{s}\ \acute{a}\ n$ 'kasvatti (= kasvattettu $\sim$ kasvattettava) [приемный сын, приемная дочь (= выращенный $\sim$ выращиваемый)]', Таз $\acute{m}i\ r\ \acute{s}\ \acute{s}\ \acute{a}\ n$ 'höylä [струг]' (Йоки 1969); кам. (Кастрен) $\acute{k}\ \acute{a}\ j\ \acute{z}\ \acute{a}\ n$ 'Deckel'. При таких обстоятельствах очень трудно свести **n*-овый показатель конъюнктива в самодийских языках этимологически с другими **n*-овыми глагольными и отглагольными суффиксами. Поэтому напрашивается вывод, что уже прасамодийский язык знал показатель конъюнктива **-nš-* или **-nV|jV-*. В пользу слитной исходной формы говорят варианты (Кастрен) *-nea-*, *-nia-* селькупского конъюнктивного показателя (? $<$ **-ne|ja-*, **-ni|ja-*, но, возможно, и что-то иное, напр., **-ne|ña-*, **-ni|ña-*), а, особенно, *i*-овые, причем нередко долгие гласные элементы самодийских конъюнктивных показателей. Этимологическая связь между самодийскими и финно-угорскими **n*-овыми конъюнктивными показателями вполне мыслима и даже ожидаема.

ЛИТЕРАТУРА

- Вербов Г. Д. 1973, Диалект лесных ненцев. — Самодийский сборник, Новосибирск, 3—190.
- Доннер К. 1911—1912, Материалы по селькупскому языку (рукоп.).
- Йоки А. Й. 1969, Университетские лекции, записанные автором настоящей статьи (рукоп.).
- Кюннап А. 1967, Показатели множественного числа имен существительных в камассинском языке. — СФУ III, 281—291.
- 1971, Об инструментале южносамодийских языков. — СФУ VII, 205—217.
- 1972, Записи ненецкого, энецкого и нганасанского языков (рукоп.).
- 1973а, О соотношении словоизменения и словообразования в самодийских языках. (На материале селькупского языка). — Происхождение аборигенов Сибири и их языков, Томск, 56—58.
- 1973б, Показатели числа имен существительных в северносамодийских языках. — СФУ IX, 207—216.
- 1973в, Показатели числа финитных глагольных форм и некоторые проблемы показателей двойственного числа в северносамодийских языках. — СФУ IX, 291—299.
- Лабанаускас К. 1974, Ненецкий перфект. — СФУ X, 45—52.
- Майтинская К. Е. 1972, Будущее время в финно-угорских языках. — Вопросы советского финно-угроведения, Саранск, 70.
- 1975, К вопросу об истоках морфологии в уральских языках. — *Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum Tallinnae habitus* 17.—23. VIII 1970. Pars I. Acta linguistica, Tallinn, 125—129.
- Прокофьев Г. Н. 1935, Селькупская грамматика, Ленинград.
- 1937, Энецкий (енисейско-самоедский) диалект. — Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград, 75—90.
- Серебренников Б. А. 1964, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва.
- 1965, Об относительной хронологии появления некоторых грамматических форм в уральских языках. — *Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung. Wolfgang Steinitz zum 60. Geburtstag am 28. Februar 1965* dargebracht. Berlin (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen der Sprachwissenschaftlichen Kommission 5), 382—386.
- 1968, О количестве глагольных времен в протоуральском языке. — СТИФУ, 490—493.
- Сорокина И. П. 1975, Морфология глагола энецкого языка, Ленинград (канд. дисс., рукоп.).
- Терещенко Н. М. 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
- 1966, Энецкий язык. — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 438—457.
- 1973, Синтаксис самодийских языков. Простое предложение, Ленинград.
- Castrén, M. A. 1847, *Manuscripta Castreniana*. Vol. XIX. *Samoiedica* 13. *Kamass-Samoiedica* (рукоп. в библиотеке Хельсинкского университета).
- 1854, *Grammatik der samojedischen Sprachen*, St. Petersburg.
- Castrén, M. A. — T. Lehtisalo 1940, *Samojedische Volksdichtung*, Helsinki (MSFOu LXXXIII).
- Castrén, M. A., T. Lehtisalo 1960, *Samojedische Sprachmaterialien*, Helsinki (MSFOu 122).
- Collinder, B. 1960, *Comparative Grammar of the Uralic Languages*, Uppsala.
- Donner, K. — A. J. Joki 1944, *Kamassisches Wörterbuch*, Helsinki.
- Erdödi, J. 1963, Zur Frage der Herkunft der Präteritum-Suffixe in den uralischen Sprachen. — СИФУ, 65—69.
- Györke, J. 1935, Die Wortbildungslehre des Uralischen, Tartu.
- Hajdú, P. 1966, *Bevezetés az uráli nyelvtudományba*. Budapest.
- 1968, *Chrestomathia Samoiedica*, Budapest.
- Hakulinen, L. 1968, Suomen kielen rakenne ja kehitys. Kolmas, korjattu ja lisätty painos, Helsingissä.
- Itkonen, E. 1961, *Suomalais-ugrilaisen kielen- ja historiantutkimuksen alalta*, Helsinki (TL 20).
- A. Kövesi, M. 1974, Zur Frage der Modi in der finnisch-ugrischen Grundsprache. — *ALHung*. XXIV, 223—230.
- Künnap, A. 1967, *Kamassi keele preteritumist*. — *ESA* 13, 175—182.
- 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu 147).
- 1973, Über eine samojedische Personalendung. — *JSFOu* 72, 191—196.
- 1975, *Miscellanea Samoiedica*. — *Fenno-ugristica* 1, Tartu (TRÜT 344), 167—176.
- Lehtisalo, T. 1936, Über die primären uralischen ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu LXXII).

- Ravila, P. 1948. Om konjugationens uppkomst i de uraliska språken. — Kungliga Humanistiska Vetenskapssamfundet i Uppsala. Årsbok, 58—64.
- Sammallahti, P. 1974, Material from Forest Nenets, Helsinki (Castrenianumin toimitteita 2).
- N.-Sebestyén, I. 1970, Zur juraksamojedischen Konjugation. — FUF XXXVIII, 137—225.
- Serebrennikov, B. A. 1973, Strukturmerkmale der frühuralischen Grundsprache. — UAJb. 45, 65—79.
- Setälä, E. N. 1886, Zur Geschichte der Tempusstamm bildung in den finnisch-ugrischen und samojedischen Sprachen, Helsingfors.
- Szinnyei, J. 1922, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. 2. Auflage, Berlin—Leipzig.

AGO KUNNAP (Tartu)

ZUM PROBLEM DER HERKUNFT DER MODUS- UND TEMPUSZEICHEN IM URALISCHEN

Im Uralischen wird gewöhnlich das Vorhandensein von nicht mehr als drei Modi angenommen: dem Indikativ, dem Konjunktiv und dem Imperativ. Die Beobachtungen der samojedischen Sprachen zeigen, daß in ihnen solche Modus- und Tempuszeichen fehlen, die für alle samojedischen Sprachen gemeinsam wären. In diesen Sprachen kann man von einem einheitlichen Modus- und Tempussystem kaum sprechen; das vorhandene System stellt aber eine Erscheinung der verhältnismäßig späten Periode dar.

Im Artikel betrachtet man, auf welche Weise zwei vermutlich älteste Modus- und Tempuszeichen der uralischen Sprachen — etymologische Entsprechungen des finnisch-ugrischen *n*-Konjunktivzeichens und des finnisch-ugrischen *s*-Präteritumzeichens — in samojedischen Sprachen vertreten werden. Die Wahl dieser zwei Zeichen ist durch ihre wechselseitigen Beziehungen bedingt.

Der Verfasser zeigt, daß das *š-Präteritumzeichen im Nganassanischen und Selkupischen verbreitet ist, im Nenzischen und Enzischen beschränkt gebraucht wird, im Kamassischen aber überhaupt fehlt. Es ist klar, daß es mit den samojedischen *š-Suffixen der Verbalnomina etymologisch verbunden ist, deren gerundialer und partizipialer Gebrauch in erster Linie zum Ausdruck der Präteritums diene. Unter solchen Umständen wird es kaum möglich sein, im Ursamojedischen das *š-Präteritumzeichen zu rekonstruieren, sondern man muß annehmen, daß das Ursamojedische über *š-Suffixe der Verbalnomina verfügte, die später in mehreren samojedischen Sprachen Präteritumzeichen ergaben. Somit unterstützen die Angaben des Samojedischen nicht die Annahme über das Vorhandensein des *š-Präteritumzeichens im Uralischen.

Das *n-Konjunktivzeichen kommt im Nenzischen, Enzischen und Selkupischen vor. In samojedischen Sprachen hat man wenige ihm entsprechende verbale und deverbale *n-Suffixe gefunden, wobei selbständige *n-Suffixe der Gerundien und Partizipien sehr dürftig vertreten sind. Außerdem ist das *n-Suffix der Bestandteil einiger Suffixe der Verbalnomina. Unter solchen Umständen ist es sehr schwer, das *n-Konjunktivzeichen der samojedischen Sprachen etymologisch auf andere verbale und deverbale Suffixe zurückzuführen. Deshalb drängt sich die Folgerung auf, daß schon das Ursamojedische das Konjunktivzeichen *nš- oder **nV|jV*- kannte. Etymologische Verbindungen zwischen den samojedischen und finnisch-ugrischen *n-Konjunktivzeichen sind durchaus denkbar und sogar erwartungsgemäß.